Фашисты на Зубце

(Нижне-Свирский заповедник, январь-2018)

У. Колесникова

4 января

Ура! Наконец, я в поезде. Дома я оказалась незадолго до отправления на вокзал, надо было еще отыскать убранные до весны болотники. Дядя Витя (так В.А. Ковалева называет Полина) написал, что на Ладоге тепло, болота не замерзли, и брать лыжи бессмысленно. Да и не очень-то хотелось!

Поезд тронулся. Все достали свои еды, и Петрович стал рассказывать про их с Полиной поездку в Турцию. Поиск запрятанных на антресоль болотников, препирательства с мамой, которая хотела набить весь мой рюкзак едой (про пару паштетов я благополучно забыла и привезла их обратно), поездка из Ярославля в Москву с незапланированным посещением Ростова отняли у меня все силы. То немногое, что я уловила из повествования Петровича, сложилось в голове в новогоднюю сказку: милая елочка с гирляндой (которая оказалась рододендроном), бой курантов по радио, вид с башни на старинный город с мечетями, встреча с пиратами.

5 января

Мы приехали рано утром, окончательно проснуться я смогла только на вокзале, когда за нами пришел Ковалев. Пока нас везли до заповедника, за окном совсем рассвело. Дядя Витя обменялся с Дадыкой телефонами, обещал писать нам сообщения, посетовал, что наши похождения добавят ему пять седых волосин в бороду, и мы, надев болотники, зашлепали по лужам к Лахте. Снега мало, идти жарко.

Нас окружали апрельские лужи и журчащие ручейки

Удивительно, как по-разному все воспринимается в городе и в лесу. Все поездки и практики кажутся совсем оторванными от жизни в городе, они сшиваются как экзоны при сплайсинге и образуют

отдельный мир, где все совсем по-другому. Здесь другие радости, другие вещи становятся важными, по-другому идет время, и город бесконечно далеко.

Ключей от Лахтинского стационара в газовом шкафу не оказалось, поэтому, усевшись на крылечке, мы устроили чаепитие с видом на Лахту. По дороге дальше делились впечатлениями о НГ, а снега становилось все меньше, и на подходе к Калачу нас окружали апрельские лужи и журчащие ручейки. Начинало темнеть, и до Красных Борков мы решили не идти. Мы с Чумичкой собирали хворост, Дадыка с Петровичем затеяли пильбу, Полина принялась укрощать надымившую печку.

После ужина зажгли свечку, в домике тепло и уютно, откуда-то повылезали оттаявшие комары. Петрович читал нам очередную книжку Теллегена. Эта, пожалуй, мне больше всех понравилась, а может быть, просто другие я читала не в той обстановке.

Кульминацией всего вечера стал диалог белки и мухи:
— Кто тебя сюда звал? – спросила белка.
— А кто тебе сейчас пинка даст? – заорала муха и наподдала белке так, что та вылетела в окно прямо в крапиву.

Рассказы были философские, но эта фраза совсем вывела нас из равновесия, теперь хохот раздавался уже после каждого предложения, и Петровичу приходилось делать паузы. Способность воспринимать что-то явно понизилась, и Дадыка достал гитару. Пока доставал, на ней порвалась струна. Хорошо, что порвалась она на самом кончике, струна длинная, можно ее немного отмотать и заново натянуть. Орудуя ногтями и пинцетом, мы почти распутали узлы на колках, но струна лопнула со второго конца. Стали играть на пяти. Иногда песня прерывалась словами Дадыки: «а тут соло на первой струне», а в целом пять струн ничем не хуже шести.

Снега совсем не осталось

6 января

Решили пойти вдоль Свири к зимовью Красное, а потом просто погулять к западу от него. Снега совсем не осталось. Свирь расчистилась, изредка проплывали льдины. Вокруг как в хмурый летний день: тот же зеленоватый сфагнум, вереск, та же брусника и мокрые сосны. Попадалось много колючей проволоки, но мы успевали передавать друг другу предупреждения, и болотники оставались целы.

Свирь расчистилась

Спрятанных под рубероидом ключей от избушки мы не нашли и порадовались, что не пришли сюда прошлым вечером. У Петровича сели батарейки в GPS, запасных не оказалось, Полина нашла в закромах пару почти разряженных. Недовольство Полины повисло в воздухе черной тучей, и дальше шли молча, зато увидели двух здоровенных лосей. Мы пошли по какой-то болотине, перепрыгивали ручейки.

Эх, непроста жизнь кошки. Как-то так получается, что кошек под ногами не замечают. То на хвост наступят, то гитарой прихлопнут. Если честно, от одного попадания под ноги до другого, я уже успевала забыть о первом, это, наверное, такой защитный механизм, если бы не Полинины напоминания. Она еще долго вспоминала, как в меня палкой запульнула, наверное, хотела увидеть прыжок прихлопнутой кошатины.

Выйдя на гряду, решили пообедать. Петрович и Дадыка занялись организацией посадочных мест, но сосны не поддавались. Тогда Петрович после тщетных попыток повалить дерево вцепился в сосну и стал яростно трясти ее. Полина валялась на земле от хохота: «Смешная крыса!». Макушка сосны описывала огромные круги, и грозилась вот-вот отвалиться. Была бы тогда еще и прихлопнутая крыса. Тут Полина взялась за дело и повалила сосну, но уже другую, одним взглядом.

Немного пройдя вперед по гряде, опять свернули в болото, которое плавно перешло в залитую водой дорогу, прихваченную льдом. Возвращались вдоль Свири по тропинке. Мокрый лес без снега с серым небом и такой же серой рекой в сумерках стал совсем мрачный. Створные знаки мигали красными огоньками. Около одного мы сделали групповую фотографию на фоне Свири.

Групповая фотография на фоне Свири

В этот раз печка уже не дымила. Петрович готовился к экзамену по химии, который не получилось перенести, и на следующий день должен был уехать его сдавать. Полина заварила калмыцкий чай. Чай этот был куплен нами еще в ноябре в Армавире как раз на случай зимней поездки. Честно говоря, выглядит он как брикет спрессованных опилок и палочек, но на вкус вполне чай, только пахнет по-другому.

7 января

Январь все-таки решил напомнить о себе, с неба падали огромные хлопья снега, но пока что это было больше похоже ноябрь. Мы решили пойти на Зубец: до Лахты нам с Петровичем по пути, и на ключ избушка не закрывается. На Калаче оставили лишнюю пачку риса и гору дров. Снова колючая проволока. Мы довольно быстро дошли до дороги, Петрович побыстрее пошел к деревне, и скоро растворился в лесу. Дядя Витя все писал нам СМС-ки, но теперь нельзя было ограничиться двумя буквами «ОК». Нам нужно было аккуратно сообщить ему, что нас теперь четверо, и что мы идем на Зубец, но так, чтобы дядя Витя не поседел весь сразу. Полина тут же продемонстрировала, что не надо говорить и как не надо кричать и рычать, наверное, всех зверей распугала. Сообщение отправили, оказалось, что вскоре вся деревня знала, что Петровичу нужно уехать сдавать экзамен.

Мы пообедали в куту Лахты под вышкой. Сложно представить, что летом тут вместо сугробов цветет чабрец. Полина сообщила, что если мы найдем дорогу к Зубцу, то все будет просто, а если нет, то дальнейший план действий не ясен. Не знаю, что она хотела этим сказать, но под такой фразой сразу видится подвох. Дорогу мы нашли без труда, у развилки Петрович нам оставил послание на сугробе (а их уже намело), но она становилась все мокрее и мокрее, и мы оказались

посреди болота. Где-то слева Карасево. Летом оно намного приветливее. Покажешь такую картинку, и ловушками заниматься никто не будет. На болоте уже появился ледок, но еще некрепкий, так что Дадыке пришлось стать ледоколом.

Прогулка по незамерзшему болоту – вот уж чего не ждешь от зимней поездки, зато много клюквы, примороженная она еще лучше. Здорово было идти по затопленным льдинам. Они то и дело выскальзывали из-под ног, так что их надо было нащупывать и ловить. В некоторых местах лед был крепче, и на него можно было выбраться. Страшновато, идешь мелкими шажочками, прислушиваешься к каждому хрусту – ждешь, когда провалится.

Болотники явно не были готовы к подледному использованию

Вот показались высокие сосны. Мы вышли в перелесок. Полина порадовалась, что у нас есть болотники и заметила, как плохо было бы сейчас с мокрыми ногами. Перелесочек оказался тонкой грядой, и дальше нас снова ждало болото. Мои болотники явно не были готовы к подледному использованию: по ноге побежал холодок. Ну ладно, пока только влажно, можно просто меньше стоять на этой ноге и больше высовывать ее над водой. Видимо дырка стала больше, и из ква-квадрома болотник превратился в аквариум. Холодно. Если честно, меня больше в тот момент волновала не дырка, а то, узнает об этом Полина или нет. Но сказать все-таки пришлось – надо же хоть воду вылить. В очередном перелесочке Полина подожгла бересту и заклеила дырку. У Чумички болотники тоже продырявились, но она пока оставалась партизаном. Наконец, дорога стала суше, мы подошли к Зубцу, но переходить не решились, хоть он и был маленький, так как пришлось бы обратно переходить его в устье.

Стемнело, вылезла луна, уже где-то рядом на Ладоге завывал ветер. Мы пошли по лосиной тропке, судя по карте, избушка была в сотне метрах от нас, но все никак не появлялась. Пришлось переходить большую лужу. Под ногами оказалось бревно. Скользко, не видно ничего. Дадыка провалился по пояс, я промочила ту же ногу, а на другом болотнике появились дырки. Ну не можем же мы вечно ходить вокруг домика, он же совсем близко!

Наконец-то! Из темноты появилась избушка. Напилили немного дров, Чумичка с Полиной разожгли костер, а мы с Дадыкой развесили по всему домику свои мокрые вещи и стали сушиться. Печка горела еле-еле, вещи были развешаны на проходе, как я ни выжимала Дадычьи портянки, с них все равно капало прямо на нары, короче, из партизан мы превратились в фашистов, которые потихоньку норовят все испортить.

После ужина Полина читала нам книжку БГ «Иван и Данило». Чумичка была в восторге: Полина читала именно так, как надо, правильным голосом. Мне тоже понравилось. Я ее читала раньше, но в лесу и на слух она воспринимается совсем по-другому. Вещи быстро сохли, особенно если разложить их на газете на печке. Печка теперь горела хорошо, и газета вспыхнула. Помахав ей и не потушив, Дадыка ловко затолкал газету в печку, но это добавило еще один пункт к нашим «фашистским выходкам». Перед сном Чумичка еще раз припомнила фашистов, и я решила ее хорошенько поколотить. Драться в спальнике не очень-то удобно, столу рядом с нарами тоже досталось, конечно, с него все полетело на пол. Дальше спорить насчет фашистов уже не стоило.

Луна уползла за лес, и небо все было усеяно звездами, прямо как наши болотники дырками. Где-то совсем рядом шумела Ладога, как будто мимо проходил бесконечный поезд.

8 января

Последний день. Будучи фашистами, повторять вчерашний партизанский поход не хотелось. По бревну перешли уже без приключений, и направились в сторону Пильчужни. Солнце золотило стволы сосен, то и дело попадалась брусника. Как приятно идти по лесу! Мы почти дошли до Пильчужни, но гряда стала тоньше и почти растворилась в болоте, перебрались на соседнюю. Лед стал толще, но все еще проваливался. Благодаря ходьбе, в болотниках поддерживался тропический климат, с почти 100% влажностью, но высокими температурами. Гряда становилась все шире, и мы вышли к реке. Хорошо, что мост не убрали, как бы мы ее тогда переплывали…

Солнце золотило стволы сосен

Пообедали в новенькой беседочке, появившейся на развилке. Солнце быстро спряталось, повалил снег. Два часа – казалось бы, самый разгар дня, а чувствуется, что солнце уже садится, день заканчивается, не успев начаться. Знакомая дорога поднимала море воспоминаний о лете. Не верилось, что летом тут тепло, светло, зелено и полно комаров. Вот наша с Дадыкой груда палок, обозначающая поворот на Водный Стадион, так и стоит. Красная дорожка на Гагарье глубоко под снегом. Эх, а ведь где-то там клюква. Скоро будет кинотеатр. Рядом с ним для экскурсантов появился домик с огромными окнами.

Мост через Пельчужню (хорошо, что его не убрали!)

Совсем стемнело. Чтоб я еще раз взяла с собой фонарик на аккумуляторе! Какой-то жалкий солнечный зайчик на снегу, никакого от него толку! Хорошо, у Дадыки не фонарь, а фара, так что и мне его света доставалось. На небе снова куча звезд. Кажется, что они совсем близко. Красиво, в городе такого не увидишь.

Уже около деревни вспугнули пару рябчиков. В шесть мы были в Красной Горке, в семь нас обещали забрать. Чтоб мы не торчали на морозе, Ковалев велел нам идти к фотографу Анатолию Петровичу в Ковкеницы. С нами увязалась собака. Я старалась притвориться некошатиной и сделать вид, что меня тут вообще нет, и получилось – приставала она к Чумичке.

В доме у фотографа было непривычно жарко. Потрескивала печка, на стене тикали старые часы. Стены увешаны фотографиями, вместо вешалки лосиные рога. Нас напоили чаем. Посмотрели отличные фотографии. Полина с отвращением перелистывала страницы альбома с медведями во всех ракурсах. Нашли смешную птичку. Выражение лица – один в один Чумичка. Оказалось, и Петрович здесь погостил, пока ждал такси.

Около восьми приехал дядя Витя. Мы погрузились в машину. Снежный лес в свете фар сказочный. Дядя Витя всю дорогу занимал нас рассказами про Ладогу, Байкал и про его встречи с волками, медведями, лосями и всякой другой живностью.

На вокзале Дадыка сыграл кучу песен, которых я никогда не слышала. Поезд пришел поздно, и, попав в душный вагон, мы сразу улеглись спать. Полина забрала себе два матраса. Оказалось, ей стоило большого труда натянуть на матрас простыню, и я тщетно попыталась достать себе нижний, незастеленный, но тут вдруг подлетела какая-то женщина и скинула застеленный матрас вниз. Не знаю, как она хотела нам этим помочь, я была очень недовольна. Пришлось застилать оба.

Это было все в другой жизни, во сне

Снова стук колес, мелькание огней, хлопанье дверей тамбура, разговоры из соседнего купе и позвякивание ложки в стакане. И все наши похождения кажутся такими далекими, не верится, что еще утром мы были на Зубце, как будто это все было в другой жизни, во сне.